П.А. Тычинская

Огненный лик. Образ Божественного света в иконографии небесных сил

1. Архангел Михаил грозных сил воевода. Миниатюра рукописи Деяний и посланий апостолов. 1610 г. Национальная библиотека Австрии, Вена

Образы огневидных ангелов достаточно широко распространены в христианском искусстве. Один из самых ярких и запоминающихся примеров дает иконография архангела Михаила грозных сил воеводы, которая в последнее время активно изучается[1]. Эта иконография возникла, по-видимому, во второй половине XVI в., хотя датированных изображений, относящихся к этому периоду, пока не выявлено. Самый ранний памятник, датировка которого не вызывает сомнений, относится к 1610 г. Это миниатюра румынской лицевой рукописи Деяний и посланий апостолов (Национальная библиотека Австрии, Вена. Cod. slav. 6, f. 172r)[2]. Начиная с середины — второй половины XVII в. образ архангела Михаила воеводы уже довольно широко распространен и имеет стабильную композицию.

Под иконографией «Архангел Михаил грозных сил воевода» понимается образ красноликого архангела, летящего на крылатом (как правило, красном) коне. В верхнем правом углу таких композиций изображается Спас Еммануил, поддерживаемый десницей, и престол с Евангелием и литургическими сосудами. Архангел облачен в доспехи, на голове у него корона, в руках — книга, крест, кадило и копье, которым он попирает сатану, лежащего под копытами коня и вывернувшего голову вверх. Архангел трубит в трубу (ничем не поддерживаемую), между его руками раскинулась радуга. Образ архангела-воеводы восходит к важнейшим произведениям искусства середины — третьей четверти XVI в. — таким, как иконы «Благословенно воинство Небесного Царя...» и Великий стяг Ивана Грозного, также она тесно связана с традицией иллюстрирования Апокалипсиса и многими другими письменными и изобразительными источниками[3].

Красный лик архангела Михаила — важнейший признак его иконографии в виде грозного воеводы. Вопрос об огневидных ангелах поднимался в литературе[4], однако, специально образ архангела-воеводы в этом контексте не рассматривался.

Тема огня и символика красного цвета очень важна для христианского искусства, они присутствует с древнейших времен[5]. Основани-

2. Архангел Михаил грозных сил воевода. Икона. Около 1624 г. Успенский собор города Дмитрова, местный ряд иконостаса

ем для этого стали некоторые цитаты из Священного Писания, указывающие на огненную природу ангелов и архангела Михаила, затем христианская богословская и святоотеческая традиция плодотворно развивает эту тему. Псевдо-Дионисий Ареопагит специально останавливается на теме огня — в частности, при рассуждениях об ангельских одеяниях, красный цвет которых указывает на богоподобие их обладателей: «Светлая и огнеподобная одежда, как я думаю, означает, подобием огня, их [ангелов] Богоподобие и силу освещать...»[6]. В этом смысле показательно, что задолго до появления иконографии архангела-воеводы изображения архангела Михаила представляли его в красном одеянии, часто за плечами его развевается киноварный плащ (такой же плащ непременно присутствует и на иконах архангела-воеводы).

Многие свидетельства летописей и сказаний о явлениях архангела Михаила в истории Византии и Руси снова и снова указывают на огневидность архангела. В «Сказании чудес архистратига Михаила», составленном в IX в. диаконом Панталеоном, повествуется об избавлении Константинополя от осаждавших город персов в 626 г. Там сказано о «божественном архистратиге», которого увидели в ходе битвы варвары «яко мужа огнеобразна и пламеносна от церкви изшедша, пожегша и посекша и погубивша вскоре все их воинство...»[7].

К IX в. относится сказание «Чудо в монастыре Дохиар», известное в нескольких вариантах (в том числе, в составе Великих Миней Четий[8]), особенно для нашей темы интересна редакция «Чуда...», вошедшая в состав Афонского патерика. Согласно повествованию, архангелы Михаил и Гавриил спасают от смерти юношу, которого попытались утопить завистливые монахи. Явившись в виде огненных орлов, архангелы перенесли юношу из морской пучины в Никольский храм монастыря Дохиар. Здесь архангел спасает от гибели ни в чем не повинного юношу и одновременно наказывает сребролюбивых монахов, делая явным их злодеяние. При этом он является в нехарактерном для него образе огненного орла, что сближает его с изображениями серафимов.

Итак, огнезрачность присуща небесному архистратигу уже в византийских источниках IX в. и более ранних. Это качество фигурирует и в русских сказаниях об ангелах и об Архангеле Михаиле. В Повести временных лет под 1110 г. повествуется о знамении в Печерском монастыре, когда «явися столпъ огненъ от земля до небеси... и весь миръ виде... Се же беаше не огненый столпъ, но видъ ангелескъ: ангелъ бо

3. Фрагмент иконы "Страшный Суд". XII в. Монастырь Св. Екатерины, Синай. Огненные ангелы, карающие грешников, и ангел, свивающий небо в свиток

сице является, ово столпом огненым, ово же пламенем. Якоже рече Давыдъ: творя ангелы своя духы и слугы своя огнь палящъ...» (цитата по Лаврентьевскому списку 1377 г.)[9]. В доказательство того, что в образе огненного столпа над церковью Печерского монастыря явился именно ангел, летописец приводит пример из Ветхого Завета: «не мощно бо зрети человекомъ естества ангельскаго, яко и Моиси великый не взможе видети ангельскаго естьства: водяшетъ бо я въ день столпъ облаченъ, а в нощи столпъ огненъ... То се не столпъ водяше ихъ но ангелъ Божии идяше предъ нимь в нощи и во дне»[10]. Традиционно этого ангела идентифицируют как архангела Михаила. Предание, согласно которому в образе огненного столпа, проведшего Моисея и израильский народ через Чермное море, явился именно архангел Михаил, зафиксировано в Великих Минеях Четиих[11].

Как видим, в описаниях явлений архангела Михаила часто присутствует упоминания об огненной природе или о чудесном сиянии архангела. Великий Божий архистратиг, как и Сам Христос, уподобляется солнцу. Поэтому появление его в некоторых иконографических изводах с красным ликом не кажется неожиданным, тем более что такие примеры известны в византийском искусстве.

4. Мучение св. Анании Персиянина. Миниатюра Минология Василия II. Первая четверть XI в. Апостольская библиотека Ватикана. Vat. gr. 1613

Обратим внимание на особенности гимнографии — в некоторых моментах службы архангелу Михаилу говорится об огненной природе архистратига. В стихире на «Господи, воззвах» поется: «И вид твой огнен, и доброта чудна, Михаиле Первоангеле, невещественным бо естеством преходиши концы, исполняя повеление всех Творца, силен в крепости Твоей познаваемь, и источник исцелений храм твой соделовая, званием твоим святым почитаемый»[12].

На появление и распространение изображений огненных ангелов, очевидно, повлияла цитата из Псалтири, которая часто звучит во время богослужений в дни, посвященные архангелу Михаилу и небесным силам: «Творяй ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный» (Пс. 103:4). Особенно важно, что эта фраза используется в качестве прокимна и причастна на Литургии, а также — как стих на утрене[13]. Приведенная цитата иногда встречается в числе надписей на поздних иконах архангела-воеводы.

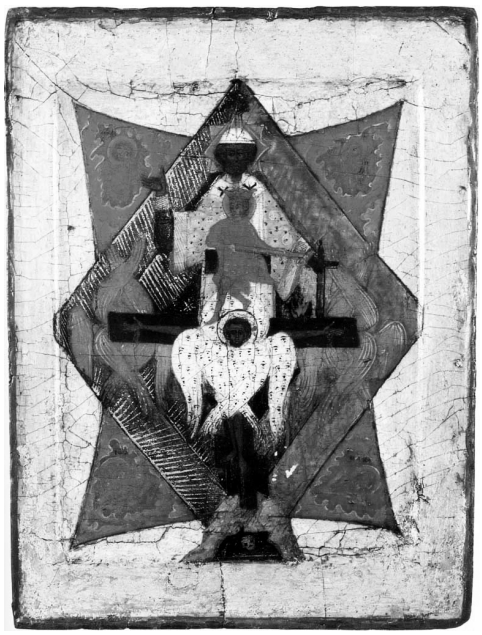
Известно немало примеров изображения огня и огненных ангелов в тех или иных композициях в восточнохристианском искусстве. Из ранних памятников можно назвать изображения красноликих ангелов в мозаичной композиции «Явление трех ангелов Аврааму» в базилике Санта-Мария Маджоре. Эта композиция под видом явления ангелов представляет богоявление, поэтому огненные лики небесных

посланников здесь говорят об их божественной природе. В Евангелии Раввулы 586 г. огнеликие ангелы включены в композицию «Мироносицы у гроба Господня»[14]. Миниатюра «Вознесение» из того же кодекса — один из самых ранних примеров, где изображены херувимы в виде крылатых огненных колес. Они вместе с пламенным серафимом возносят на небо Христа в мандорле. В более позднее время нередко византийские и русские памятники представляют Спасителя, восседающего на херувимском престоле, который составляют символы евангелистов, серафимы и херувимы (также в образе огненных колес)[15].

5. Архангел Михаил. Фреска в нартексе (в нише над входом в наос) церкви архангела Михаила. Монастырь Лесново, Македония. Около 1346 г.

Об участии архангела в событиях конца света сказано в самом авторитетном источнике на эту тему — Откровении Иоанна Богослова. Однако в культуре Византии не было столь четкой ориентации на ожидание конца света, которая появилась впоследствии на Руси, и эсхатологическая тематика не получила широкого развития. Тем не менее, в некоторых византийских изображениях Страшного Суда XII — начала XIII в. ангелы играют немаловажную роль. На иконе XII в. в монастыре св. Екатерины на Синае [ил. 4], как и на мозаике западной стены собора в Торчелло, изображены два огненных ангела, которые повергают грешников в ад. Эти персонажи не подписаны, хотя можно с большой долей вероятности рассматривать одного из них как архангела Михаила, поскольку его пламенная природа и его причастность к загробной жизни человека зафиксированы во многих ранних источниках.

Пара огненных ангелов из Страшного Суда неожиданным образом соотносится с двумя красными ангелами из Менология Василия II (первая четверть XI в.), где они представлены восходящими по небесной лестнице в сцене мучений св. Анании Персиянина[16] [ил. 5]. Согласно тексту жития, тяжело избитый и почти не дышащий мученик перед смертью сказал тем, кто был рядом: «Сотворите молитву к Богу: се бо вижу столпу [в других вариантах: лествицу], досязающу до небесе, и огнеобразны мужа, глаголюща ми: «гряди с нами, и ведем тя во град Господень, исполнен радости, и веселия, и света»[17]. Очевидна аллюзия этого жития на ветхозаветную историю о видении Иакову лестницы, соединяющей небо и землю, по которой восходят и нисходят ангелы (Быт. 28:10-22). В данном случае огненные ангелы выступают как психопомпы, готовые принять праведную душу мученика Анании и указать ему (и тем, кто последует его примеру) путь на небо. Их функция, в общем, близка функции огненных ангелов их Страшного Суда.



6. «Отечество» («Распятие в лоне Отчем») Икона. XVI в. Музей икон, Реклингхаузен

Известен отдельный образ огненного архангела Михаила на коне — «предводителя ангелов», расположенный над входом в церковь его имени в Лесновском монастыре (Македония, 1346 г.)[18] [ил. 6]. Архангел в воинских доспехах, с обнаженным мечом в правой руке, верхом на неспешно шагающем белом коне изображен в нише над входом из нартекса в наос. Это изображение над входом в храм является своего рода предисловием к развернутому циклу его деяний, представленному в росписях наоса. Архангел выступает здесь и как хранитель посвященной ему церкви, и как вождь небесного воинства, и как предводитель на пути к спасению для всех обращающихся к нему. Также здесь очень важна тема помощи архангела христианскому воинству. Росписи храма были созданы по заказу деспота Иоанна Оливера, и в нартексе есть изображение заказчика вместе с царем Стефаном Душаном. Таким образом, архангел в данном случае мыслится как предводитель богоизбранного христианского народа и его правителей.

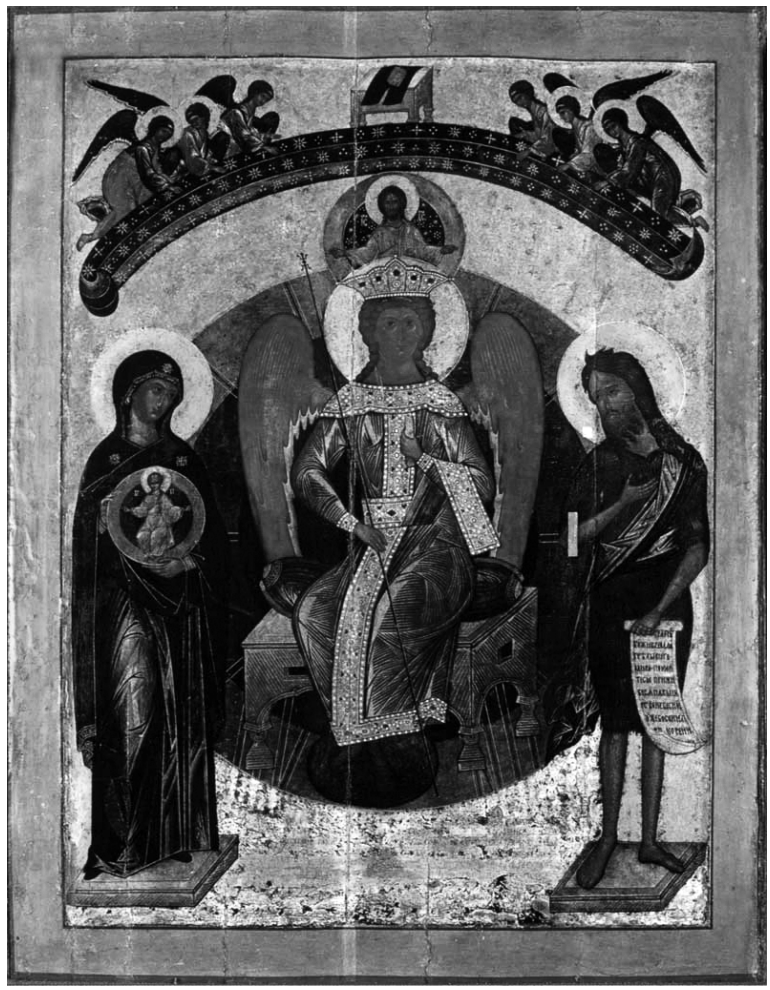
Так, в византийском искусстве из разных образов ангелов формируется единая традиция, в русле которой развивается иконография огневидных ангелов. Как правило, такие изображения связаны с темой воскресения и бессмертия. Огненные лики ангелов и архангела Михаила следует трактовать как символ их особой верности и приближенности к Богу, как отражение Его славы.

Огненный лик архангела связан с его приближенностью к Богу. По учению Псевдо-Дионисия Ареопагита, архангелы и ангелы являются посредниками в передаче божественного света (благодати). Как убедительно показал А.М. Лидов[19], эти духовные реалии нашли отражение в таком явлении византийской иконографии, как светящиеся (или вращающиеся) диски. В них выражена идея божественного света и вечного движения. Градация тонов внутри этих дисков отражает важные понятия христианского богословия. Некоторые изображения дают пример такой градации: в центре диска — золотой цвет, далее серебристый, и по внешней окружности — огненно-красный. Именно так распределены цвета в светящемся диске, который присутствует в росписи храма Св. Апостолов в Пече (около 1260 г.). Иерархия световых кругов в этом изображении, очевидно, связана с концепцией Псевдо-Дионисия, которая, в свою очередь, восходит к неоплатонизму: «Высочайший Чиноначальник всякого порядка, как видимого, так и невидимого, обнаруживает сияние чистейшего света Своего, изливая его первоначально на высшие Существа, а чрез них уже приобщаются света Божественного и те, кои ниже их... и те существа, кои ниже их, обильно им сообщая полученный ими свет, чтобы

7. Четырехчастная икона. «И почи Бог в день седьмый», «Приидите, Трисоставному Божеству поклонимся», «Во гробе плотски», «Единородный Сыне». Около 1547 г. Музеи Московского Кремля.

и сии последние передавали его низшим... Итак, для всех освещаемых существ источником света есть Бог по естеству, существенно и собственно, как сущность света, Виновник его бытия и сообщения; по установлению же Божию и подражанию Богу для каждого низшего существа высшее существо есть начало освещения, поколику чрез высшее низшему передаются лучи света Божественного»[20].

Изображение светящегося диска непосредственно соотносится с учением Псевдо-Дионисия Ареопагита о небесной иерархии. От Источника Истинного Света (Бога) свет передается через посредство архангелов и ангелов к более низшим существам — людям. По-видимому, золотая сердцевина этого шара символизирует Самого Бога, а серебряный ореол вокруг него — это истинный свет Христов. Тогда внешний огненно-красный ореол являет собой первую ступень отражения божественного света. Т.е. огненный круг — это архангелы и ангелы, которые сами не излучают света, но отражают свет Хрис-

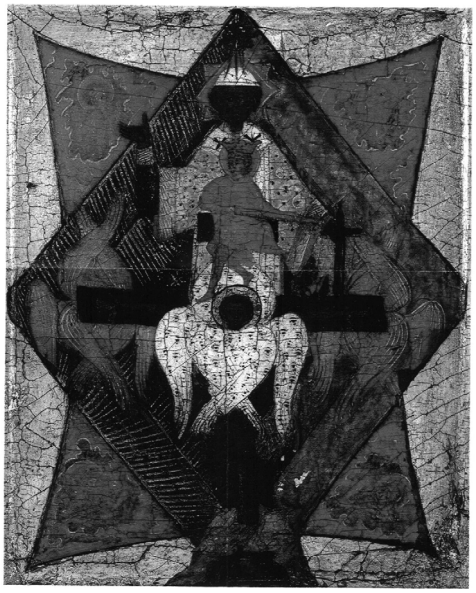


8. София Премудрость Божия. Икона. Вторая половина XVI в. Софийский собор, Новгород

тов. Через их посредство люди могут в меру своих способностей соприкасаться с божеством.

Огнеликий архангел Михаил, являясь людям в ключевые моменты библейской истории, поражал и ослеплял, но все же, люди способны были его воспринять. В то время как истинную природу Бога человек не может постичь никак, «Бога никто не видел нигде» (Ин. 1:18). Именно через ангелов в Библии происходят богоявления, и огненный лик архангела Михаила — тому яркое свидетельство.

В русской позднесредневековой культуре круг сюжетов, в которых участвуют небесные силы, значительно расширяется; появляются принципиально новые образы. Этот процесс происходит не только в архангельской иконографии. XVI столетие стало временем бурного развития богословской мысли и (как следствие) иконографии а, кроме того, временем появления нового типа восприятия сакрального образа. Это привело к появлению столь многочисленных и своеоб-



разных теофанических тем и сюжетов. Но интересно отметить, что значительная часть этих тем, так или иначе, оказывается связанной с ангелами, архангелами и прочими небесными силами. Знаменитая Четырехчастная икона[21] [ил. 8], созданная псковскими мастерами после пожара 1547 г. в Московском Кремле, изобилует образами ангелов в разных вариантах (в том числе, огневидных). Примечательно, что столь сложные изводы довольно быстро получают распространение — уже в XVI в. мы знаем повторения отдельных сюжетов (или фрагментов) Четырехчастной иконы, а в XVII в. воспроизведение таких композиций — обычное явление. Учитывая, что изначально они произвели смущение в московской ученой среде и стали предметом разбирательства в «деле дьяка Висковатого», такое быстрое распространение спорных иконографических схем говорит об их востребованности в культуре позднего Средневековья. Сложная богословская программа этой иконы была призвана показать во всей полноте догмат о воплощении Сына Божия и об Его искупительной жертве[22]. Первая из четырех композиций — «И почи Бог в день седьмый» (верхняя левая) содержит изображение Христа с крыльями (в образе ангела). В правой верхней части иконы — «Единородный Сыне» (она должна читаться последней) — Христос изображен сидящим на перекладине креста, в воинском одеянии с красным плащом. В обоих случаях очевидна параллель между образом Христа и архангела Михаила, который несколько раз изображен на этой иконе рядом с Господом.

9. («Распятие в лоне Отчем») Икона. XVI в. Музей икон, Реклингхаузен, Германия.

10. Архангел Михаил грозных сил воевода. Икона (фрагмент). Около 1624 г. Успенский собор города Дмитрова, местный ряд иконостаса.

11. София Премудрость Божия. Икона. XVI в. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

Своеобразный извод «Отечества» («Распятие в лоне Отчем») с изображением Иисуса Христа в образе воина на фоне фигуры Христа — царя Давида (который трактован здесь как образ Бога Отца) и с распятым на кресте шестикрылым серафимом появились в Новгороде и Пскове еще в начале XVI в.[23] Одно из таких произведений, относящееся к XVI в., хранится в музее икон в Реклингхаузене[24]. Младенец Христос здесь изображен как огненный воин с мечом, на голове у него — венец. В этой символической композиции снова можно обнаружить явную параллель образа Иисуса Христа и архангела Михаила воеводы (огненный лик, венец, воинские атрибуты).

Огненный лик архангела Михаила также напоминает солнце, изображаемое в иконописи в виде красного шара-лица. В клейме «Единородный Сыне» Четырехчастной иконы есть символическое изображение солнца в виде огненного ангела, держащего над головой красный шар с лицом. Интересно, что на некоторых иконах архангела-воеводы (например, на иконе 1624 г. из Дмитрова[25]) в верхней части также присутствует аналогичное изображение солнца, и этот символ, несомненно, перекликается с самим ликом архангела на этой же иконе. В уподоблении архангела солнцу снова просматривается тема богоподобия Михаила — поскольку в библейских и богослужебных текстах Бога нередко сравнивают с солнцем[26]. В Откровении, когда описывается явление Господа, сказано, что Его лик в этот момент «сияет яко солнце» (Откр. 1:16). Именно так (с огненным ликом) Христос изображается в этом эпизоде в иллюминированных рукописях Откровения. Образ архангела-воеводы по целому ряду признаков родственен этому апокалиптическому образу Спасителя.

Итак, важнейший для христианства догмат о воплощении Сына Божия в XVI в. объясняется с помощью изображений, связанных с ангельской тематикой. Здесь уместно вспомнить тезис Псевдо-Дионисия Ареопагита о том, что для изображения сверхъестественных и невыразимых сущностей требуются некие образы, которые способно воспринять ограниченное человеческое сознание. Только через символы человек может приблизиться к познанию истины, которая находится за гранью его познавательных способностей. В искусстве позднего Средневековья эта символичность достигает своего апогея и находит сложные и многообразные формы выражения.

Среди памятников, возникших, по-видимому, параллельно с иконографией архангела-воеводы, следует обратить внимание на изображение красноликого конного архангела Михаила на иконе «Благословенно воинство...» из Чудова монастыря[27] (в отличие от нее, одноименная икона из Успенского собора[28] представляет архангела

12. Архангел Михаил грозных сил воевода. Икона. Вторая пол. XVII в. (?). Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

с обычным охристым цветом лика, как и других персонажей). Архангела здесь нельзя не сравнить с образом Софии Премудрости Божией, которая также изображается в виде огненного ангела[29]. Огненикий ангел-София — это символическое изображение ипостасной Премудрости — Бога Слова до воплощения, Ангела Великого Совета. Кроме красного лика Софии и архангела на упомянутой иконе есть и другие переклички — венец на голове и красный цвет крыльев, а также — изображение благословляющего Спасителя, престола вверху и неба в виде свитка. Родство этих иконографических изводов и их смысловая связь не вызывают сомнений.

Перечисленные параллели образа огнеликого архангела Михаила говорят о его сложной символике. Красный цвет указывает на светоносную природу архангела Михаила, его приближенность к Богу и, что очень важно, говорит об уподоблении архангела Самому Христу. Тема Богоподобия архангела Михаила существовала с древнейших

времен, даже само имя «Михаил» переводится с древнееврейского «Кто как Бог». Вспомним, что чрезмерное почитание небесного архистратига в середине IV в. даже стало причиной запрета обожествления ангелов (35-е правило Поместного Лаодикийского собора)[30]. Но все же культ архангела Михаила продолжает развиваться, и тема его богоподобия подспудно возникает во многих памятниках.

Архангел Михаила воевода, как правило, бывает представлен на красном коне. Это роднит образ с русской иконографией «Огненное вознесение пророка Илии», где в колесницу запряжены именно красные (зачастую — крылатые) кони. Примечательно, что в византийских произведениях кони в этой композиции почти никогда не изображаются крылатыми, а в русских памятниках это стало характерной чертой. Кроме того, возносящийся пророк Илия на русских иконах объят огненным вихрем, который часто поддерживает архангел Михаил[31]. В «Слове на собор небесных чинов» преподобного Феодора Студита (IX в.) можно найти неожиданное объяснение изображений огненных крылатых коней в христианской иконографии: «...ангелы являются в образе коней, как говорит Захария, потому, что все божественное быстроходно»[32]. Здесь продолжается мысль, высказанная еще в трактате «О небесной иерархии» Псевдо-Дионисия: «образ коней означает покорность и скорое послушание; ... рыжие [кони означают] пламенность и быструю деятельность»[33]. Таким образом, красные крылатые кони, которые возносят на небо пророка Илию и на которых летит архангел-воевода — это не что иное, как еще один символ ангельской природы. Вероятно, об этом не обязательно должны были помнить средневековые иконописцы, которые создавали такие иконы. Они могли использовать уже известный образ крылатого коня. Но изначально этот мотив появляется, очевидно, как символическое изображение одного из ангелов. В русских иконах «Огненное вознесение пророка Илии» крылатые кони известны, по крайней мере, с конца XIV — начала XV в. (икона в Нижегородском художественном музее[34]). Эта иконография, как и образ архангела-воеводы, имеет эсхатологический смысл: Илия возносится на небо, не умирая (4 Цар. 2:11), и он должен вернуться в последние времена — именно так традиционно толкуется текст Апокалипсиса (Откр. 11:3-6).

Итак, изображения ангелов и, в первую очередь, архангела Михаила с огненным ликом не являются редкостью для восточнохристианского искусства. В русской иконописи XVI в. образ огнеликого ангела был особенно востребован. Наиболее яркое выражение он получил в иконографии «Архангел Михаил грозных сил воевода», которая широко распространилась в искусстве XVII в. Несмотря на свою сложность и насыщенность различными богословскими смыслами, эта иконография прочно вошла в репертуар иконописцев Нового времени. Можно с уверенностью сказать, что огненный лик архангела Михаила — важнейшая характеристика этого образа, его принципиально важная составляющая. При рассмотрении этой иконографии в контексте различных сказаний об архангеле и его изображений

становится ясно, что рождение образа архангела-воеводы было подготовлено предшествующей традицией. Во многих литературных, гимнографических и живописных произведениях долгие века подспудно существовал образ огненного архангела. Архангел-воевода — это яркое воплощение образа-парадигмы огненного ангела, который существовал в христианской культуре с ранних времен и был важной ее составляющей.

Polina Tychinskaya (Moscow)

Fiery Face. Divine Light in the Iconography of the Heavenly Powers

Images of fiery angels are fairly common in Christian art. One of the most striking and memorable examples of such iconography, which has recently been an object of active study, is that of the Archangel Michael the Voyevoda (Commander of the Heavenly Hosts). This iconography is rooted, apparently, in the second half of the 16th century. A century later the image of the Archangel Voyevoda was already quite widespread and developed as a stable composition.

The Archangel Michael's red face is a key feature in his iconography as the Voyevoda. The notion of fire-like angels was constantly discussed in literature, however, not the image of Archangel Voyevoda .

Fire and symbolic meaning of the red colour are very important elements in the Christian art since ancient times. They derive from the scriptural passages which point to the fiery nature of angels and the archangel Michael, as well. The later Christian theological and patristic tradition has also contributed to the development of these ideas. Pseudo-Dionysius specially emphacised the fire theme as he discussed the nature of angelic forces and their godlike attributes. Many chronicles and narratives about the appearances of the Archangel Michael throughout the history of Byzantium and Russia point to the archangel's fiery nature.

As we can see, descriptions of Archangel Michael's appearances point to his fiery nature, the miraculous glow. The great archangel of God, like Christ himself, is sun-like. Therefore his red face in some iconographic types should not seem surprising, especially as similar examples were not alien to the Byzantine art, either.

The occurrence and distribution of the images of fiery angels during church se were obviously influenced by a quote from the Psalms which is often heard during church services on the days dedicated to the Archangel Michael and the heavenly forces, "Who maketh his angels spirits; his ministers a flaming fire" (Psalm 103:4).

There exist multiple images of fire and fiery angels in the Eastern art. The earliest source contains images of red-faced angels in the mosaic composition The Appearance of the Three Angels to Abraham in the Basilica of

Santa Maria Maggiore. There are depictions of fire-faced Angels in the miniatures of the Rabbula Gospels etc.

A tradition gradually formed within Byzantine art, moulding a growing iconography of fire-faced angels. They appear in theophanic complex compositions, images and illustrations of the Last Judgment, lives of the saints and in the Archangel cycles. Fiery faces of angels and of the archangel Michael, are normally symbolic of of their intense faith and closeness to God, their ability to transport divine light and commandments to people.

The iconography of the Archangel Voyevoda is an immediate demonstration of the fiery angel paradigm, which has inalienably existed in the Christian culture since the earliest times.

1 *Алферова Ю.Л.* Иконографическая программа и характер идейного содержания иконы «Архангел Михаил Грозный Воевода» // Вестник музея «Невьянская икона». Вып. 3. Екатеринбург, 2010, с. 152–160; *Остапенко С.С.* Царское моление Ангелу Грозному // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 3 (84). М., 2011, с. 6–18; *Тычинская П.А.* Образ архангела Михаила грозных сил воеводы в русском искусстве позднего Средневековья. Дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2012.

2 См.: *Popescu-Vilcea G.* La miniature roumaine. Bucarest, 1982, cat. ? 50. Fig. 88. P. 41, 109.

3 Подробно о прототипах и параллелях иконографии архангела-воеводы: *Тычинская П.А.* Образ архангела Михаила грозных сил воеводы... С. 70–122.

4 В первую очередь, следует назвать статью сербской исследовательницы С. Габелич: *Габелић С.* Црвени коњанички лик арханђела Михаила у Леснову // Зограф. 8. Београд, 1977, с. 55–58.

5 См. статью А.Н. Овчинникова «Символика красного цвета»: *Овчинников А.Н.* Символика христианского искусства. М., 1999, с. 121–148. Тема огня в христианской традиции подробно рассмотрена во многих статьях научного сборника: Огонь и свет в сакральном пространстве. Материалы международного симпозиума. Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2011.

6 *Псевдо-Дионисий Ареопагит.* О небесной иерархии. Гл. 15.

7 *Макарий, митрополит.* Великие Минеи Четии. Ноябрь, дни 1–12. СПб., 1897, стб. 271.

8 *Макарий, митрополит.* Великие Минеи Четии. Сентябрь, дни 14–24. СПб., 1869, стб. 295–299.

9 Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1999, с. 120; Полное собрание русских летописей. Т. 2. Вып. 1. Петроград, 1923, стб. 257–258.

10 Полное собрание русских летописей. Т. 2. Вып. 1. Петроград, 1923, стб. 258.

11 *Макарий, митрополит.* Великие Минеи Четии. Ноябрь, дни 1–12. СПб., 1897, стб. 255.

12 Минея служебная. Ноябрь, день 8.

13 Там же.

14 Флоренция, библиотека Лауренциана. Laurent. Plut. 56. Fol. 13. *Овчинников А.Н.* Символика христианского искусства. М., 1999, илл. на форзаце.

15 Один из многочисленных примеров: константинопольская икона се-

редины XIV в. в Музее Греческого института, Венеция (Наследие Византии: Коллекция Музея Греческого института византийских и поствизантийских исследований в Венеции. М., 2009, кат. 1). Ангелы в виде огненных колес нередко встречается в произведениях, изображающих Христа во славе (Maiestas Domini) или Спаса в силах. Об этой иконографии см.: *Кочетков И.А.* «Спас в силах»: развитие иконографии и смысл // Искусство Древней Руси. Проблемы иконографии. М., 1994, с. 45–68; *Пуцко В.Г.* Византийское наследие в искусстве Московской Руси («Спас в силах» в русской живописи XIV–XV вв.) // Византийский временник. Т. 57 (82). М., 1997, с. 234–245.

16 Минологий Василия II (Ватиканский минологий), Апостольская библиотека Ватикана, Vat. gr. 1613. Л. 17.

17 *Макарий, митрополит.* Великие Минеи Четии. Декабрь, дни 1–5. М., 1901, стб. 3.

18 *Габелић С.* Црвени коњанички лик... С. 55–58; *Габели С.* Манастир Лесново. Историја и сликарство. Београд, 1998, с. 192 — 195, ил. XXXV.

19 *Лидов А.М.* Светящийся диск и вращающийся храм. Икона света в византийской культуре // Византийский Временник. 2014 (в печати).

20 *Псевдо-Дионисий Ареопагит.* О небесной иерархии. Гл. 13.

21 Вера и власть. Эпоха Ивана Грозного. М., 2007, кат. 65.

22 Содержание этой иконы подробно проанализировано О.И. Подобедовой: *Подобедова О.И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972, с. 40–58.

23 *Подобедова О.И.* Московская школа живописи... С. 44 — 45, примеч. 12.

24 *Бенчев И.* Иконы ангелов. Образы небесных посланников. М., 2005, илл. на с. 188.

25 *Сорокатый В.М.* Произведения слободских иконников Троице-Сергиева монастыря первой половины XVII в. в собрании музея им. Андрея Рублева // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы международной конференции 29 сент. — 1 окт. 1998 г. М., 2000, ил. 18.

26 Ср. тропари праздников Сретения Господня и Рождества Христова, а также цитаты из Писания: Пс. 83:12; Мф. 17:2.

27 Вера и власть. Эпоха Ивана Грозного. М., 2007, кат. 65.

28 *Смирнова Э.С.* Московская икона XIV — XVII вв. Л., 1988, с. 302 — 303, илл. 175–179.

29 Например, на иконах XVI в. в ГРМ (*Брюсова В.Г.* София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. М., 2006, илл. на с. 92), в ГТГ (Там же, илл. на с. 106), в Софийском соборе Новгорода (*Царевская Т.Ю.* Софийский собор в Новгороде. М., 2005, илл. на с. 26).

30 *Габели? С.* Циклус арханђела у византијској уметности. Београд, 1991, с. 23.

31 *Смирнова Э.С.* Иконы Северо-Восточной Руси: Ростов, Владимир, Кострома, Муром, Рязань, Москва, Вологодский край, Двина. Середина XIII — середина XIV века. М., 2004, с. 248–249.

32 *Феодор Студит, преподобный.* Слово на собор небесных чинов // Творенія преподобнаго отца нашего и исповедника Феодора Студита въ русскомъ переводе. Т. 2. СПб, 1908, с. 120. Это отмечено С. Габелич: *Габелић С.* Црвени коњанички лик... С. 55, примеч. 5.

33 *Псевдо-Дионисий Ареопагит.* О небесной иерархии. Гл. 15.

34 *Смирнова Э.С.* Иконы Северо-Восточной Руси... С. 249.